

геннадий айги
тетрадь вероники

геннадий айги



геннадий айги
тетрадь
вероники



Leona Dine
Aug 24/9/88
SK

22

геннадий айги

собрание сочинений в семи томах

том четвертый

геннадий айги
тетрадь
вероники

москва гилея 2009

*Выражаем искреннюю благодарность
Германскому ПЕН-Центру,
Творческой программе ДААД (Германия),
Шведской Королевской Академии
и всем, кто принял участие в финансировании
настоящего издания*

*Составление Галины Айги
и Александра Макарова-Кроткова*

Художник Андрей Бондаренко

*На фронтисписе — портрет Геннадия Айги
работы Николая Дронникова*

ISBN 978-5-87987-051-0

ISBN 978-5-87987-055-3

- © Галина Айги, 2009
- © Графика. Николай Дронников, 2009
- © Оформление. Андрей Бондаренко, 2009

оглавление

тетрадь вероники (1957–1988)	9
поклон — пению (1988–2000)	107

тетрадь вероники

1957–1988

от автора

Впервые эта книга была опубликована в 1984 году: двуязычное ее издание (на французском в переводе Леона Робеля и на русском) появилось в парижском издательстве “Нуво Коммерс” с цветными рисунками Владимира Яковлева.

Подробнее о “Тетради” я написал в предисловии к английскому изданию. Книгу продолжают переводить в европейских странах (есть и повторные издания — в Германии и Польше), отдельные стихотворения появились на иврите, японском и персидском.

В России “Тетрадь Вероники” публикуется впервые, к тому же это — наиболее полное из всех изданий.

| 14 января 1996 |

г. а.

К АНГЛОЯЗЫЧНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

*Он не мог видеть ее личико
затуманенным.*

Ч. Д.

Моя дочь сейчас в деревне. Я пишу — и слышу ее далекий, давний голос (ночь, мы едем в поезде, дочери не спится, ей уже четыре года, глядя в окно, она тихо напевает импровизированную песенку: “Луна — моя мама, я лечу на небо, она меня накормит”).

И странно говорить мне сейчас не о ней, а “по ее поводу”. Странно переключиться “в писательство”, я делаю это, постепенно настраиваясь — прежде всего — на читателей страны, давшей человечеству, любовью Диккенса, целый “дочерний” мир.

Я всегда хотел иметь дочь. “Она, будущая”, мерещилась мне даже в юном возрасте. Думаю, что это лишь отчасти объясняется бессознательным бунтом против “культа сыновей” в народе, в котором я вырос, — с детства отталкивало меня мужланство (скажем, хемингуэйистского типа) и тянула к себе неопреде-

лимо-“священная” *женственность*... — может быть, это и было моим первым восприятием некой “природной поэзии”.

Мое поколение выросло без отцов. Достаточно сказать, что в деревне, в которой я рос, было 200 дворов, а с войны не вернулось более двухсот мужчин (часть вернувшихся стала ядром, — я это свидетельствую, — колхозной и сельсоветовской мафии, — их насилие и жестокость совершались именно по отношению к бедной *женственности*, теплившейся — словно уже в далекой истории).

Появление дочери было для меня, прежде всего, обновлением женскости и женственности в моем роду (и случилось это, когда *родовые корни*, — словно все еще, *где-то*, огненно-горящие, — все более воспламенялись во мне самом).

Скажу еще более определенно. Рождение дочери я воспринял как *возвращение, воскрешение* моей матери. Моя мать, умершая рано, до сих пор видится мне как некое *святое свечение*, видится в жизни, которая, страшною мощью огромного Антиподного Народоподобия, была превращена чуть ли не в “естественный” ад.

Для меня и “народ” — это просто моя мать и ее страдания. И этот “другой народ” (истинный, а не *антиподный*) остался, в конце концов, лишь в снах-как-в-снегах (“Все дальше в снега”... — это название моей последней книги).

И еще, — я давно задумывался над тем, почему в мировом искусстве существуют даже *каноны материнства*, а *чувство отцовства* в литературе означает, как правило, лишь “отцовский инстинкт”.

И в “Тетради” моей дочери я попытался утвердить принципиальное “*патеринство*” (есть в европейской поэзии немного произведений, где выражено “патеринское” чувство, но — увы — как посмертное оплакивание... — одно из самых ранних из них, пожалуй, — это цикл “Тренов” — “Плачей” польского поэта XVI века Яна Кохановского, посвященных памяти его дочери Урсулы).

В этой английской книге впервые публикуется небольшая группа стихотворений, не успевших войти в первое издание “Тетради”.

Это — стихи о “периоде сходств”. Я убежден (есть такое мое небольшое “открытие”), что дети, начиная с первых недель жизни и

приблизительно до трех лет, переживают, претерпевают, переносят в себе и на себе моменты, дни и недели их сходства и сходств с “сонмом” живых и “ушедших” родственников. Младенцы (вернее, какие-то “силы” в них) как бы мучительно ищут и — в конце концов — находят именно свой “постоянный”, — на будущее, — облик.

Там, где люди не уважают людей, они вполне не любят детей (эти “цветы жизни”, — по Максиму Горькому). *Уважение* же к детям, сознательное уважение к ним, обязательно требует определенного духовно-религиозного уровня (говорю это без каких-либо объяснительных оговорок).

Сознание этого я тоже хотел выразить в “Тетради Вероники”. Кое-где в этой книге казалось мое памятование об одном из “пунктов” учения Сведенборга о человеке, который сотворен “незаконченным” и “несовершенным” для того, чтобы над ним, в дальнейшем, могло работать То, о Чем лучше молчать (особенно в наше, столь разумное время).

Наблюдая детей в возрасте моей дочери из ее “Тетради”, я удивляюсь теперь, как я мог

увидеть столь многое за первые шесть месяцев жизни Вероники.

Однако это было. И ныне, когда существует уже десяток переводов “Тетради”, я снова благодарю мою дочь за ее и “мою” книгу — самую счастливую во всей моей “творческой жизни”.

| 14 июля 1989 |

москва

ПОСВЯЩЕНИЕ

белеют снега
без меня *перечти уже взрослой*
о ты моя айкакая
(это слово твое в твоём доме второе)
тьмой головы ныне ширится
тьма без умов нашей бедной Земли
книжечку эту и снова
белеют снега

| 14 ноября 1983 |

вместо предисловия

[дочери]

Ты еще не говоришь словами. Ты выражаешься — лицом, улыбкой, лепетом, “новорождающимися” (еще не заученными) движениями, — и это часто напоминает предрабочее состояние в занятиях поэзией (многим известна эта “содержащая нечто” тишина и некий “гул”, их неоформленность в интонации и собственная ищущая сила; пробелы в ритме и напряженность пауз, более содержательных, чем некоторый “смысл”), — словом, ты — творишь, не “договаривая”... — и я, по мере возможности, старался записать из этого “недоговоренного” кое-что, подсказанное, в сущности, тобой.

И книжечка эта сознательно посвящена твоему “бессловесному” (но — творящему, — как я уже сказал) периоду.

Потом — поговорим словами (но это уже будет иное).

Тебе — дарят. Любовь. Игрушки. Мою любовь — ты знаешь. “Игрушки”? В их качестве,

включаю в твою книжечку несколько давних моих багателей.

Иногда я пою тебе (плохо). Как спели бы тебе твои прабабки и прадеды с отцовской стороны. Пусть дойдут до тебя некоторые из их песен — в вариациях твоего отца. Включаю в книжечку и две мои юношеские сказки. Мог ли я тогда вообразить, что, через четверть века, у меня родится — такая дочь.

| 14 июля 1983 |

два эпиграфа

Вероника, ты обязательна...

Леонид Лавров

...И

*Волосы Вероники, даже здесь — я заплетал,
расплетал,
я заплетаю, расплетаю,
я заплетаю.*

Пауль Целан

пролог: пение-патерия

*Если мы это нарушим, пусть
в Волге утонет хмель,
а железо всплывет.*

Из болгаро-русского
договора 985 года

если
пройду для тебя
то хмель потонет
в-любви-как-в-море
(ай-ийя-юр)
когда же пройдешь без меня
железо всплывет
из-пенья-как-моря
(ай-ийя-юр)

| 1983–1984 |
Москва—Каунас

в день первой встречи

благоговения облако
это замедленное
смотренье мое... — и какое самоузнавание
мира другого
близко — кружится?.. — не взгляд —
а нетронутое Слово-Лицо:
о недолгое равенство: Одно — не сказать!
ибо равное Смотрится
равным молчанием
(Одно — как лицо — Одному)

| 18 января 1983 |

первая неделя дочери

тишина

где ребенок — неровная

будто в пределах — из ломкости светотеней:

пустота! — ибо мир Возрастает

в нем — чтобы Слушать

Себя

Полнотой

| 22 января 1983 |

небо-проигрыватель

с полей
продолжаясь из боли
скоро дитя мое
будет
и шуберт-тебе
Всегда-Unvollendete
где-то над болью
чтоб не завершаться
с полей

| 1983, февраль |

или — кто же мне любит

чем же люблю?

или — кто же мне любит?

не знаю

ибо — при всем *непотребстве*

так часто

ныне к младенцу

как будто — собой не меняясь —

я свято-боляще

(кру́гом мне кружится)

чист

| 4 марта 1983 |

появление в улыбке

а раскрылся цветок — на лице улыбаться:

обновленная

(столь в одиночестве)

вздрыгнула

мама обратная:

о этот круг! закружи меня так: не придти

ни в себя ни в виденья:

слава Пощаде

как Богу — за странно-единственный раз:

сузился — и промелькнул!

ни конца ни начала не знаю:

лишь световорот!

(и так странно включая — меня)

| 4 марта 1983 |

в дни болезни

1.

болезнь младенца беспокойство деревьев

2.

в бархате цветов засыпаю ворочаясь

щеками ворочаясь

среди крупных: как сон из кругов неуклюжих:

слез запоздало-ненужных:

будто — для матери... а для кого же?

ясно — тем более в месиве — ясно:

уж — не для Господа

3.

и были однажды

деревья как братья в тумане: в их бедность

Бог среди сугробов Входил (Продолжая

молчанье мое как работу:

тоской — среди деревьев)

4.

о Боже вздрог ребенка

| 11–12 марта 1983 |

начало “периода сходств”

а силы

встревожены рода — и веют

и кружат как ветер-и-свет — проводя по лицу

облако за облаком: все — выражения

исчезнувших лиц —

чтоб выявить чтоб утвердить —

“окончательный”

облик — твой:

огнем — устоявшим в вихре! —

(не тем же ли жаром — засматриваясь —

вздрагиваю:

словно — среди некого пенья? —

боль — входит как ветер)

| 1983, март |

и: не прикасаясь

надо бояться

и пальчиков детских и листьев

чутких — черемухи:

ибо:

страшное в мире — ничто и никто: кроме Бога
(мощнее добра! — и умолкни — запомнив):

и кроме:

знаешь — тебя

| 22 апреля 1983 |

спокойствие гласного

а

| 21 февраля 1982 |

теперь

[о. п.]

друг мой
о мама-ребенок
младенца лицо отдаляется
силу иметь
чтоб приближаться сияюще-равным
к обликам-кругам
любимых-и-любящих
(много
отдельно
Одно)

| 2 апреля 1983 |

снова — улыбка

светится — безвозрастная — душа
человечества: очищенная — сердцем дитяти
("трудом" — и его! — а вернее: трудом за него —
неизвестным) — до света проявленная —
незримо—"понятного": ах-что-и-сказать! — до
такого истока: название его — пребывает-он-
только-единственный! — а что же — сейчас —
происходит? — смотрю — забываю —
смотрю... — забывая смотренье

| 1983, апрель |

ТИШИНА

о тихий мой бог
я тебя повторяя как смыслоподобие
будто
давно
в ровном покое: струишься прохладный
без измененья... — лишь раз оглянулся:
вишни
уже
отцвели... — продолжает
улыбку младенец... — лишь только такие твои
переливы
включая сердечную давнюю слабость
все более близкую
(шепотом неким)
изредка — чуть — проявляют
ясность сокровища “тихий мой бог”

| 1983, апрель |

укладывают спать

я спиною всегда
тяжелею немного “тебя увели”
засыпаешь (и я начинаю дремать
какою-то грустною
“частью”)

| 1983, май |

уршуля и шиповник

*[двухлетней дочери моего друга —
литовского поэта сигитаса гяды]*

ал и широк
шиповник — и это
ей — будто слышно
наморщив лобик:
вдруг — настороженный — словно
сердца толчок
удивил:
дрожит — продолжается
в личике — распространение:
взгляд
остановкой недолгой
облака малого

| 1983, май |

затерянная страница (или: снег в саду)

1.

бумажка в ветре

2.

взай вьюзавый сда
ю целестни
вьюзавый и эйдса
оэй истни

3.

и не найти

| 1961 |

песенка времен твоих прадедов
(вариация на тему чувашской
народной песни)

...пить не из стакана, а из чистого источника.

Бела Барток.

“Кантата Профана”

бродил я в поле не было там
ни одной копны

зашел я в деревню
и не увидел
там никого

а девушки сидели
за вымытыми стеклами узеньких окон
и вязали
глазастые кружева

посмотрел я в окно и увидел
что сватают мою милую
в белое платье ее нарядили
в руку дали ей ковшик

и стоит она перед столом

— я плакал качаясь
перед твоим окном
и была ты тиха —

как свеча на подоконнике
высокой церкви

“вижу” молчал я
молчал я “прощай”
родных не имея “народ” — понимал я
долго потом
“что-то было” я знал

и ничего головой не запомнил
плача щеками
в руках

| 1957–1959 |

И: В ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ

Грудью ли
или Пятою
(о как по-людскому
Тебя представляем)
мощно — в ребенка Войдя
в личике Ты — уменьшеньем — Обтачиваясь
Смотришь — Увидимым нами: и я будто в ветре
дрожью — включившийся — ал

| 6 июня 1983 |

маленькая татарская песня

Взяла я ведро и пошла за водой
потому, что не было дома воды.
Села я рядом с ведром и заплакала
потому, что не было счастья.

А была я тогда
чуть выше ведра.

“Мать” я шептала — стихала поляна,
“брат” говорила — и сон умолкал.
Что называла — то было молчаньем:
солнце, дубрава, полынь.

Лишь песне моей,
за аулом,
я тайно рыдала — “сестра”.

| 1958 |

чайная роза одна на округу

в лице

дополненье — как ветром:

секунды дрожания в нем

чашеобразия — телом:

в висках — будто лепки — округлой и ласковой

вес: с грустью

| 26 июня 1983 |

Одесса, пос. Черноморка

запись — после укачивания

[и.-с. б.]

она мучительно ищет ритма успокоения добивается от себя почти-мелодии и я незаметно для себя самого чтобы помочь ей начинаю напевать колыбельную моего сочинения в той мелодии наметки которой только что ее мучили и она засыпает я несколько раз замечал что пробы ее напеваний себе и обрывки похожи на зарождение чего-то (как младенца шажки) я сказал бы “для баха” о какое же сердце должно было быть у отца — с материнской духовностью столь сострадательной — сфер колыбельных

| 27 июня 1983 |

Одесса, пос. Черноморка

сказка о шлагбауме и о сторожевой будке

Старый полосатый Шлагбаум
был убежден, что он у Дороги —
единственный в мире поклонник.

И храбро сказал он:

“Дорогая Дорога,
я кланяюсь Вам
уже двадцать лет,
пора бы и заметить, право”.

Дорога ответила:

“Милый Шлагбаум,
Вы знаете
только мою частицу,
а всю не знаете.

У меня десятки таких поклонников.

Найдите Вы лучше такую,
которая вся на виду”.

И только Сторожевая Будка
услышала эту беседу.

Она стояла напротив и плакала:

“Боже, а я-то, дура,
думала, что это он мне
кланялся столько лет.

О, почему
не умерла я
до этого дня!”

| 1958 |

ЧИЩЕ СЛЕЗЫ

чище слезы
эти слюни: безвинная жизнь
ими сияет! — восторг:
из чистоты
существа
выражаясь:
о Господи
мне

| 1983, июнь |

розы трехлетней этери

читают

ангелы

книгу твою

когда это были раскрыты страницы?

тонут

(и ум

вот-вот

забоится)

о ветроподобие

обморок

(больше меня)

поглощаемый

| 1983 |

узнавание имени

чувствокружение ли
(как головокружение)
перед сознанием
(как перед зеркалом):
будто глядящею силой мелькает
и исчезает
какой-то безвыходной тенью
робкий — с перерывами тихими
о чем-то
лепет

| 1983, июнь |

сказка о постаревшем арлекине

Когда я гулял по улицам,
шахматисты толпами таскались за мной
и мысленно решали свои комбинации
на моих штанах.

И когда приходил я в театр,
все куклы глазели на Арлекина,
и старательно прятали нитки,
за которые дергали их руки и ноги.

И когда я закладывал за спину руки,
они были похожи на белые букеты,
лежащие на синем ковре,
и ахала Коломбина с балкона мне вслед,
когда уходил я домой.

И когда износил я мои штаны,
Коломбина сказала, что руки мои похожи
на репейники в голом поле.
А куклы все вышли замуж.

И теперь в опустевшем замке
сидим мы с Рексом-дворягой на старом диване,
пьем кофе, ругаем сиамских кошек
и читаем стихи Евтушенко.

| 20 октября 1958 |

Подмосковье, пос. Красная Пахра, дача В. Р.

улыбка (выражая “любимый”)

а он

(улыбка и голос)

тот же — но рядом шумят и мелькают

(каштаны и розы)

и голос любимый

лицо

теперь — лишь одно среди других:

среди деревьев как близкое дерево

(и все же

то дерево: будто само продолжение

лепета

вскриков

и глазок-уа)

| 25 июня 1983 |

Одесса, площадь Ришелье

НЕТ МЫШИ

есть

| 18 ноября 1982 |

снова: укачивание тебя

алые

розы — к глазам

младенца:

день — будь кру́гом: о — бабочка:

войди — отметить:

мгновенье:

белым

| 1983, июнь |

Одесса

вершины берез — с детства и до сих пор

будто
все то же:

о
затихание — после
шепота
взгляда
и слуха —

(и я забывал это было всю жизнь забывал ко-
лыбельную голосом бывшую чтобы всю жизнь
вспоминать колыбельную будто безмолвно-пер-
вичную духом меня изначально раскрывшую
шириться мне обещая свободно без края) —

о
затиханье — (давно уже нет никого):

воздух — в вершинах:

берез

| 1983, июнь |

снова — что-то от “периода сходств”

“о — ты мое”

я шепчу-как-кружу

“о — ты самое-самое”

не называя! —

и — как безмолвный ответ — выражение
спящей

(ветр — всем лицом)

даже и зыбью устойчивое:

кажется: крепнет все больше в основе его
чем-то очень-давно-материнское
спокойствие тайное:

будто светило
смягченное — далью

| 1983, июль |

и: спящая (в коляске) у моря

лицо — как спокойная

гладь — воды:

(лишь изредка — волны: рябь по причине:
скажем: “себя”):

будто в единой — неведомой нам —

Колыбельной:

Мира-Всего! —

Ее средоточием — близко-скользящим

| 28 июня 1983 |

Одесса, пос. Черноморка, порт

ПЕСНЯ ЗВУКОВ

о (Солнце Некое)
в а-Небе (тоже Неком)
е-и-у-ы-Другим (Мирам)
и а-э-у-Другие
деревьям-ю букашкам-е а-детям

| 6 июля 1983 |

в дни болезни — образ во сне

горькое
влажное было
единство:
рот — прикоснувшийся к розе
и это
все — в слезу превратившееся
(с тусклостью
будто
проступок тяжелый
в памяти
давний):
был я — весь этим
забывшись недолго
в сушащем страхе — дневном

| 1983, июль |

чува́шская песенка для твоей сверстницы

[венгерской девочке аги абель]

Ах, игра, игра-кружение! —

а вершина того кружения —
верхушка развесистого вяза,
волнуется верхушка этого вяза,
роняя нас в огонь и в воду! —

а между огнем и водой
сварила я пиво, подобное огню,
гостей собрала, как собирают волосы,
заставила играть их, как кукол,
потом распустила их, как цыплят:

— Рядами-рядами: кыш! —

расходитесь!

| 1983 |

ВСПОМИНАЯ ВСЕ ТОТ ЖЕ ХРАМ

Теперь
как девочка
как дочь моя.
Как рода моего
сиянье — сквозь лицо
во имя всех — слезой
в веках не потускнев
волненьем (будто в лике)
вот в этом дне моем
с тобой
без слов — с тобой.

| 1983 |

долгая прогулка

дня

Сияние

в рост

(Возвышение

фигурой

Воздушное)

в ранах отталкивающих

(в воздухе)

роз

| 1983, июль |

Одесса, пос. Черноморка

И: ГДЕ-ТО СПИТ — МАЛЬЧИК

*[твоему сербскому сверстнику —
мите бадняревичу]*

ЭТОТ

невидный огонь — охраняемый

ветрами невидными

и дом многолюдный

все более ветер — когда — в пониманье

немногом

мы будто все ближе

к тому излучению: сильнейшему — слабостью

самой тончайшей: о как для земли —

среди растений —

взросленье лучистым

ширит — далекою спрятанностью

круг свой (все более — в доме)

это тепло

что теплее возможностей мира

(невидное — веяньем)

| 1983 |

вѣденье: девочка-подросток

взвить

молнией линии

тонких висков

а глаза

грустью такой озарить “мне глазами земными

в жизни моей не увидеть

самый возможно-Любимый

Твоей красоты!”

и память оставить о том без которого

будет

возможно

более грустно

именно — в счастье (а шепотом

будет: желаю:

здесь без порядка рассеянный

движеньями

друг

к тебе от тебя)

| 3 июля 1983 |

Одесса

флоксы в городе

словно

в безличностном думанье мира

спокойном и ясном

здесь — будто в центре поляны — дрожит

чистота — и проходим

не беспокоя

и веяньем слабым

вниманий

| 13 июля 1983 |

колыбельная? эта — твоя

ты

большая иль малая? ты

всею собой — превращающая
сердце мое в колыбельную (дни
проходят для нас

словно годы) о больше:

всего сотворяющая (ты о дитя) колыбельной
меня самого: охватило — и ширится
это звучание — из сердцевины
будто всем-миром-родного!

и кружится крúгом — из доньев
мало-огромного
ты

| 19 июля 1983 |

экслибрис — тебе — в стихах

метрономом божественным
фосфоресцирующая
Дикая Яблоня
имени Детства

| 1983, июль |

немного — еще
об одном мальчике
(надпись к фотографии)

страдания и боли
единого рода
произошел ли
в этих глазах
крен — столь заметный:

вниз — к сердцу? —

словно оплакивать
одинокость сердца —

всю — жизнь

| 1974–1983 |

твое первое море со мной

I.

Луна Покорившаяся Сосредоточенности
Моря Отыскивая Спокойствием Силу Охвата
Выравнивая Мирным Кованием

2.

COH

как младенца шажки

в полутьме

В ШУМЕ — СКВОЗЬ СОН — БУДТО

ТЕЛОМ МЛАДЕНЧЕСКИМ

ДОЛГО

шажки

3.

Солнце Владеющее Морем Открыто
Отцовскостью Лучей Целомудрия Охват
Продолжая Бия Великолепием

|1983, июль|

Одесса, пос. Черноморка

снова — ловя выражения

можно ли
видеть
в ветре — оттенки ветра? —

снова
я в круг световой
кругом (как неким вопросом
возможно: немного — со светом) —

будто в шептанье почти без дыханья
и в страхе — пред смыслом
движения губ —

потом — и в беспамятстве! —

вхожу-как-блуждаю

| 1983, июнь |

песенка для тебя — об отце

Был мой отец как белый пряник.

Из марийской
народной песни

Был

мой отец как белый пряник,

белое

сияло

добро, —

воздухом дня

поглощаясь.

А теперь в этом воздухе

нет никого,

горница — зимою — становится

полем пустынным, —

теменью дня

поглощаясь.

И снятся под утро
в поле — отцовские сани
белые как пряник,
как пряник,
только в них нет никого,

но излучается,
веет над ними
белое — то же — добро, —

грустью моей
поглощаясь.

|1983|

записанное сидя с тобой на балконе

твои разговоры без слов! это — как будто мои
интонации: распевы — без слов... — но какая
застенчивость — у тебя — содержанием!.. —
разве достигал я такой простоты
излучения — всем-очарованности! — при
скромности — будто светящейся!.. — самую
идею... — безвинности

| 12 июля 1983 |

пауза в “тетради”

вдруг
(ты уснула
а вижу я
взгляд)
мне — одиноко жалеть-пребывать:

будто бы — вымокнув! —

:

жил-поживал (как разбитая ветка ненужность
то в том то в другом!
есть — чем и нужен немного
а наступало:
ничто
никому —

и вздрагивал — было когда-то — сжимался я
от сострадания:

в ровно-знакомой
давно
тишине!) —

:

и была ты — чистейшею
в мире
слезой:

(мне б — иногда — выражаться такою...) —

была — как в молчании
место — ответа
простого — самой простотой доброты!.. —

:

и я
(будто в мире
какой-то
без сути
столь странно
один) —

тянулся — в тебе как в слезе причащаться:

твоей чистоты

| 1983, июль |

ЧАСТО ПОДХОДИТ К НАМ ПЯТИЛЕТНЯЯ АСЯ

а в худенькой Асе
не умещается
доброта! и лицо — без границ:
будто шумяще-сверкающая улица
через овражек — прыжком-и-полетом
дальше — блистать! и сияющая девочка
входит — в наш мир с тобой
улыбкой — еще — очерчивая
в гости!.. а ручки — как у крестьяночки
в порезах в царапинах “мама
чистить дает огурец”
и в сообществе нежно-“рабочих” порезов
и ссадин
мы — с тобою — как будто в кругу
древнего — бедно-щедрейшего детства
(мир бесконечный
включая)

| 1983, июль |

СОН В ПОЛЕ

Боболинк — Океан.

Э. Дикинсон

о ветер
легчайший — от малого
светила-лица
по кофточке еле заметный —

ширит мне поле особое: жить-поживать бы
нам — истинностью
только лишь этой!.....спускается
солнце... и там средь стрижей над ромашками
Боболинк мой!.. — по любви эта рана
сладчайшая
вся — чистотою твоею:

миру — дыхание

| 1983, июль |

Москва, Орехово-Борисово, поле

продолжение

мне

углубиться

в сияние это

(не помнить что ты)

и пониманье

сияет сияет — и это другому

я — чтоб понять (продолжая сиянье

в новом забвенье

другим)

|1983|

играя “в пальчики”

*Мизинец же воскликнул: “А я вообще,
ничего не сказав, удеру!”*

Из игровых текстов “В пальчики”

Зов, — о какое внезапное — с мукою —
сжатие музыки — бездонной и выше над
всякою “высью” возможной: звучанья —
пред-слова!.. — улыбка, зубки — свежей
лепестков: белизною! — крошечный ноготь,
взгляд вопрошающий: мир — как ответный
безмолвный вопрос! — снова крошечный
ноготь, слеза, эта скудная прядка на шее,
и пальчик: лишь ангелу — как амулет —
доверять — да и то: отражением только! —
лепет и ноготь!.. — да, все это — равенство:
перед единым мерилom — благоговением.

| 13 июля 1983 |

и: цветет овес — за лугом

*[завершая книжку, тебе —
из моего детства]*

о сон
душа — тот сон
она всегда там в ссадинах:
перебирается
во праздник общий сон
и даль оставшаяся (пенье без людей)
насквозь
шумя
все больше в даль
цветет

| 1983, июль |

ПЕНИЕ И ТИШИНА

и поет эта девочка-флейта
когда тишина
в городе тускло-спокойном чиста и свободна
как некое поле — и также как отклик:
недолгой и хрупкой
сферой (уже зазвучала стеклянно)
в чистой подобранности
будто
как божье дитя

| 1983 |

снова: третий кузнечик (теперь — тебе)

скрипом-скачком! — и эскиз за эскизом
(рисунок — во воздухе) —

стирает — крылышком
заштриховывает — носиком:

малюет — сияньем-поляной! подписывает
лучем-стрекотанием:

— здесь для меня
лишь мельканье — *езде!* —

ножками? — вверх как и вниз!
полотно его — только одно:

небо — вовеки не сохнущее! —

ну просто (скажу тебе) — дедушка:

Ша-гал!

| 1983, июль |

другу — вместо письма

[м. ф.]

а все же

Друг

когда

все ложно-взросло-зрящее клубится

давно — слепым туманом

из тьмы прорезываясь — как будто строя мир

все тот же ниоткуда-отрешенный

глядят — цветы и дети

(да что еще? — на дне затихшего пред-зренья

все более древней и отдаленней

кричат

напоминая

птицы)

| 31 мая 1984 |

Москва, метро

первые слова

Их — только полдюжины: как камушки в ладошке... — осторожность — чтоб не уронить — и перебирание неловкое — с некой стеснительностью: будто — протягивая: “на...” — даже просьба и зов — одарение скромное: всем существом.

| 1983 |

ВНОВЬ — СОСЕДСТВО РОЗ

в волнах — вечернего
движенья светового —

спокойно — детство их...—

с тобой — в тени мерцающей — сливаясь:

цветут-что-спят... —

(вернее — п р е б ы в а ю т):

то тут то там... —

(все тише — тишина)

| 1983, июль |

вѣденье: юная девушка

не у меня
у другого
вызвав — шедевр Поэзии
прошло по городу
Бессмертие: вот и ее современности
нет — а Слово
с Солнцем сливается
и с душами
в мире другом — и просвечивает
насквозь
даря
юная поступь!..... — в основе незримой
лучшее — из отсиянья
ее — и долгих
(как будто
огнями)
отцов

| 1983 |

СНОВА — СПЯЩАЯ

ВНОВЬ

тишиной беспокоя

особою

(будто

из духа)..... и дорогá мне

как рана..... склоняюсь..... и рдеет

перекрещением

Склона — как Матери..... вея троичностью

боли..... воздушный тот Склон

чуть

на меня

излучая

| 1983, июль |

ОБ ЭТОМ

много иль мало
а дар — любви
потом обернется
такой пустотой что придется заполнить
болью немалой: возможно сама не увидишь —

(увидят другие) —

как полнотой — завершенной тобою
оно закружится! — единство
давнего дара молчащего друга
и памяти грустной:

скромное (будто пятном при закрытых глазах)
людское светило простое —

миру (быть может — лишь небу и воздуху)

| 7 июля 1984 |

Литва, Довайнонис (малинник в лесу)

драгоценность

Вдруг: взгляд в окно — и вижу только это:
твоя ручонка — среди цветов.

| 1983, июль |

и: первое полугодие

ты крестьянский младенец рембрандта
этим ножкам ходить по дощатому полу
падать (матери не усмотреть)
и колени подогнуты — пенью простому
 послушны (подпрыгивать —
 больше чем быть благодарным!
 помочь и сочувствовать)

ручки — будто берущие хлеб
(так — обнимают любовь)

и котенок-соперник “поставлен на место”
 твоим повзрослением

пред миской — спокоен
а Защищающий? в этой картине
всегда в полутьме:
с трудом (для ребенка и Бога) ручным

| 14 июля 1983 |

дитя-и-роза

вес

ребенка

(а там — за калиткою — тот

ветром колеблемый

над

озером)

вес

бутона

розы (а в комнате рядом — тот

топотом

легоньким

по полу)

| 7 июля 1984 |

Довайнонис

ЭПИЛОГ: КОЛЫБЕЛЬНАЯ-СУВАЛКИЯ

закатилось

(куполя куполели):

солнышко — лелюмай:

алелюм каледа! —

(тихо: здесь входит
в пение — Дёмядис:

Божие Дерево) —

куполя куполели! —

спит — в постелюшке
дочь моя — лелюмай! —

алелюм каледа

| 14 июля 1984 |

Сувалкия (южная область Литвы)

И: ПРОЩАНИЕ
С «ТЕТРАДЬЮ»

2

сентябрь 1983 ~ июль 1984

еще от автора

Моя дочь Вероника (мой шестой ребенок) родилась 14 января 1983 года.

Стихи к этой книжке, в основном, сочинены в часы непосредственных общений с дочерью: во время прогулок с ней, укачивания в коляске и проч. Отсюда — миниатюрность ряда стихотворений и некая форма “записей” наблюдательного характера.

| 21 августа 1983 |

примечания автора

Небо-Проигрыватель. Unvollendete (немецк.) — “Неоконченная” (симфония Шуберта).

Эпilog: Колыбельная-Сувалкия. В “Колыбельной” использованы припевы из литовских дайн.

от составителей

Далее следуют пять стихотворений, также посвященные дочери, но не включенные автором в книгу “Тетрадь Вероники”.

листопад и молчание

1.

Чтобы

собой я молился,

Ты

не наполняешься мне — молитвой,

и явным отсутствием

крепким

я окружен, как кру́гом.

2.

А ею

ребенком — молиться

я не могу. Она

сама по себе — молитва. Ты, этим кругом

тихим,

Сам

полнотою

в Себе.

3.

Что я

в Молчанье — как в Свете ровном?

Или в огне. А живущее — мерзлое равенство

деревьев больных. И при этом — Ты,
ясность, — о, непроглядная ясность.

В сравнении с нею
смерть — обещание... — что-то другое!..

И кругом мертвым
невыносимо
падает с дерева — лист.

| 1984 |

прогулка с дочерью: город

я с тобою — будто засыпаю!

рядом

листья беребишь — и белый отблеск:

кто-то — что-то? — кровь моя рябина

здесь — без крика: о любовь:

простота природы! — в свете двигаясь

всей вселенною как будто — свет:

весь искрясь — клубок прогулки!

в нем я — где-то — счастьем

сплю — горю: как сном:

и рукой встречаюсь

словно — чувством: самым чистым:

с плечиками — счастья

| 1985 |

снег в полдень

[дочери — в день ее трехлетия]

“вижу люблю” — и он светел как светел
а “помню люблю я когда за окном он невидим”
тогда — он волнующе-тускл! — от все более
общего
светобогатства! — и радость людская
там где-то трепещет
вся — обновленная
тихим участием: движений-волнений твоих
дополнением —
из жизни доверчиво-ясной

| 1986 |

осенняя прогулка дочери

вдруг — ветер странный
будто
наискось
грудной прореял — гул беды:

освободив легко... —

— вот так бы — отмененным стать!
и пребыванье в мире
преобразившись — продолжать:

в никчемном виде стойко-призрачном
обличья-сажи тех кто был рассеян-втоптан
в оврагах
над оврагами:

в блистанье золотого дня... —

и снова тот же гул — но в превращенье
новом
далеким мелосом горит
одним-единственно-глубоким:

“не прижималась бы ты девочка
к рукам моим на улице губами” —

а сам я в эхе отчужденном
забыл как началось! — и скудной влагой
сумерек

как будто жижею размазываюсь
из пепла и золы униженной любви —

(ладонью вздрагивая — “человек”):

и вечер ширясь теплится — и круг в руке
горит
следа пылающего детского! —

что — жизнь-окраина во всем? не менее
тускл — пустотою — где-то-мир:

и мне — как вытесненно-чуждому
давно достаточно себя
чтоб быть пустынностью едино-мертвой —

и очагом запрятанно-последним
внутри я рушусь: сажей-затиханьем! —

и все же — в э т о м з а д ы х а я с ь! — вдруг:

всплываю раной-взглядом: за дитя

| 1987 |

дар — роща берез

[дочери]

а друг мой а ребенок-друг
о том что может тяжелеть душа
доныне незнакомым образом
пришлось узнать отцу-что-друг —

“окаменеть” бы? — не было дано
освобождение мне такое:

всезаполнением и всетвердостью чуткой
во мне ты мой ребенок был
настолько не оставив мне себя —

и осязанием-зрением став таким
(одною — стойкою — и ровной чем-то —
мукой)
я брел — не видя мир: и видел — лишь тебя:

сжималось ли вот так — замедленным
терпением
понятное — само-собой — слиянье? —

тогда — дарить тебе — запомнил лишь
окольную
смертельно-ярко отрезвляющую
(искрясь — горя в себе — закрыто-дикой
вечностью)
бессмертно-сильную мне рощицу берез —

когда мне мира целомудрие
звучало — страшной их — твердейшей —
белизной

| 1988 |

ПОКЛОН — ПЕНИЮ

1988–2000

сто вариаций на темы
народных песен поволжья

*посвящается
дочери моей веронике*

**тридцать шесть вариаций
на темы чувашских и татарских
народных песен
1988–1991**

*...закончив, они смотрели на меня,
охваченные своей песней.*

Н. Гарин-Михайловский

I

Золотая проволока — фигура твоя,
о, из алого мельканья
лицо,
выше — шелковый воздух.

II

Был конь у меня, —
хоть растянись ты на нем и поспи!
На крупе могла, не расплескиваясь,
держаться вода.

III

Мама в гости меня отпустила,
чтоб я покачивалась,
словно жертвенный котел над огнем,
в пенье — пред вами.

IV

В доме у бабушки
медным огнем освещает лучина,
все равно занимаюсь: золотом горит рукоделье!
Не надо чужого огня серебряного.

V

А тень ее там, все за той же оградой,
завтра пойдешь — не застанешь,
тогда-то в тебя
войдет навсегда ее облик.

VI

Стан мой — фигура татарская!
Видимо, слишком разошлась среди вас, —
в пляске очертанья она растеряла
фигуры татарской.

VII

Поплакала ты и притихла,
и теперь одиноко белеешь в сенях,
как шелковая нитка
в ушке игольном.

VIII

Вышивки — в танце — на вас!
То ли кланяются васильки,
то ли
щебечут ласточки.

IX

Остановитесь у ворот полевых,
приподыму я колпак мой,
пусть мои кудри еще поблестят вам
в поле родном.

X

Стан мой легкий, глаза мои черные
в этом огне хоровода родного
горят, быть может,
в последний раз.

XI

Не уменьшить мне боль,
полдуши в этом поле оставив!
Молчу я, и лишь за холмом, как ребенок,
громко плачет куница.

XII

Прибыли мы за невестою
с сердцем белым,
сделаем свадьбу
белее снега.

XIII

Если запустить мое пенье
ладом скользящим,
лучшая песенка выкатится
клубком золотым.

XIV

Кружась все быстрее,
родные остаются луга,
значит, в деревне уже не вмещается
отныне мой тоненький стан.

XV

Что ж в ожидании нас
белым полотном не застлали ваш двор?
И монету серебряную не прикрепили
ко лбу вашего дома.

XVI

Танцуя,
в бусы превратим кирпичи этой печи,
серебряные в ней загорятся
дрова.

XVII

Задрожали
верхушки берез,
как белая луна, появляется
невеста в воротах.

XVIII

Есть — песенка средь трав на лугу,
пойти ли к ней и запеть ли,
иль принести вам сюда
и спеть — на прощанье?

XIX

Вот, уже исчезают
в поле, среди ковылей.
Уже не слышно бубенчиков.
Мы как птицы стоим.

XX

Все настойчивей зов одинокий
иволги — за околицей,
подружки невесты задвигались,
как овсяные снопы золотые.

XXI

Голос мой тонкий, как голос кукушки,
ветром потом отнесет
долго звенеть
рядом с оставленным домом.

XXII

Ах, и золотистые мы, и алые!
Проехав при свете листа кленового,
въезжаем
при свете пшеничной стерни.

XXIII

Отправилась милая в путь, и черная ласточка
навстречу ночи
мчится — по крыльям лия
ручьи дождевые.

XXIV

А богата была — девятью походками:
чередовались — играли!
Потом
жизнь оставила — только одну.

XXV

По этому полю проедем
от края до края,
каждый лепесток каждой ромашки
приподымая.

XXVI

Встречая меня,
отец мой раскатывается, как шелковый тюк,
скатывается обратно,
меня проводив.

XXVII

Никто, ничего, ни о чем,
так и проходит мой век,
вода течет, — никто не спрашивает:
“Как ты течешь?”

XXVIII

Мама, на подоле твоём
все следы — от подпрыгиваний
детских ножек моих!
Дай, лицом прикоснусь.

XXIX

Точно конопляное поле отцовское,
ровны лесные вершины,
плывет моя песня над ними,
будто поет это — лес.

XXX

В поле — зеленого жаль,
жаль — золотого над полем!
Брат мой, стареем,
седеем, как синие бусы.

XXXI

Принесли мы изящество ног,
чтобы
в памяти вашей оставить!
Разрешите нам пляску последнюю.

XXXII

Давно уж не видно деревни,
а окна отцовского дома
трещинами в рамах свистят,
призывая — вернуться.

XXXIII

Мама, начнешь подметать ты горницу,
может быть, вспомнишь меня,
споткнешься
и перед дверью заплачешь.

XXXIV

Горит свеча,
не видимая глазу красной лисы,
прощайте, — очертанья души моей юной
пребудут средь вас.

XXXV

Хватит, покружились мы здесь,
как звонкие монеты серебряные,
поклонимся, — согнемся пред вами,
как белые деньги бумажные.

XXXVI

И там, где стояли мы,
пусть останется
свечение — нашего
благословения.

тридцать шесть вариаций
на темы чувашских и марийских
народных песен
1998–1999

*Я пришел в себя
и в ответ на их поклон,
проникнутый и сам
приветом, уважением
и признательностью,
поклонился им.*
Н. Гарин-Михайловский

I

Вы с нами уже попрощались
и пением, и молчанием грустным!
Но пока что — мы все и полностью
в ваших глазах.

II

Соломинка на дороге, соломинка,
краса — Земли!
Но сдует ветер, и шуткой
кончится эта краса.

III

И вновь, призывая
в поле — для нового гула труда,
в небе резвятся
белые кони грозы.

IV

Дошел ли, внезапно, шепот беды,
тронул ли кто-то, утешая, рукой?
Нет, это просто — ветер откинул
левую полу моего армяка.

V

И цветущая черемуха
издали
одинокко белеет
будто продвигаясь — сквозь лес.

VI

Только что спели Песнь о Сохе,
и уже на конях
сидим, наблюдая за жаворонком
в небе весеннем.

VII

Осиротевший, брожу я один,
лежит на лугу олененок,
белый от него подымается пар,
душно весь день от тоски.

VIII

Алея, приближается Время Хороводов,
веянье этого — а лесах и лугах;
у входа в деревню, за речкой,
цветы арбуза — как свежие снега.

IX

Крона черемухи —

словно встревоженная ласточек стая:

буря! —

бьются они, не взлетая.

X

Белый — на лугу — расцветает цветок,

— и ты — в рост, и растение — в цвет, —

луга — торжество, луга — исполненность,
ай-ийя-юр.

XI

Лишь в сновиденье войду

в этот наш двор,

тише, любимый мой пес,

рыжий ты мой соловей.

XII

Алый — в саду — расцветает цветок,

— и ты — в рост, и растение — в цвет, —

сада — торжество, сада — исполненность,
ай-ийя-юр.

XIII

Шорох березы — как шепот “прощай”,
а над нею
стриж одинокий —
как падающие ножницы.

XIV

Тянутся стада к водопою,
скоро начнется хоровод за селом, —
вся деревня белым-бела
от девичьих нарядов.

XV

Сколько братьев и сверстников — столько красы,
все больше и бездн — их отсутствия!
Голову мою отпускаю на волю —
пусть ищет, чем успокоиться.

XVI

Мы песнею
отцовский заполнили дом, —
побудьте вы молча, пока удаляемся
в поле ночном.

XVII

При пении косарей
вдруг затихаю я с думой
о том, что хорош для наклона в косьбе
юный мой стан.

XVIII

Вместо серпа, для меня предназначенного,
выкуйте ручку для двери, —
радуйтесь, ее открывая,
закрывая, задумайтесь.

XIX

Все — в белом,
в поле жнецы разбрелись,
как разбросанные серебряные кольца
в золоте ржи.

XX

А после — останется
во снах, да в чужих краях,
платок, поблескивающий
за три версты.

XXI

Чтобы кукушка шалила, я не слышал, —
чтобы, заикаясь, она хохотала!
Видимо, у Бога кончаются
все умные Его времена.

XXII

И заполняется поле
все более цветеньем гречихи,
с утра дополняемым
пением нашим.

XXIII

И черные воды
текут, виясь,
прореживая перья в крыле
одинокого гуся.

XXIV

Начинается пляска,
и свечи зажгите такие,
чтоб озарилась
вся — подружки моей — красота.

XXV

Поля, почерневшие от наших рук,
от них же теперь золотятся,
словно в песне, одной и той же,
загорается по-разному — радость.

XXVI

Мы — такие цветы луговые!
Если наших головок
девичьи не коснутся подолы,
не откроемся, не распустимся.

XXVII

Давно тебя нет, но черты-очертанья твои
мелькают, разрозненные, в полях и лесах —
на лицах, на спинах, плечах
правнуков и внуков твоих.

XXVIII

Мы играем в бусы, а сорока
мимо дома, мимо дома Алэндэя
чертит-чертит крылышком зеленым,
бусы белые бросает Пинерби.

XXIX

Потом, появившись во сне,
как на мосточек, ты ступишь
на тот же вечерний, на той же тропинке,
гаснущий свет.

XXX

Юность — как луг! И, побывшие там,
одно мы запомнили:
игры девушек — это крапива,
игры парней — чертополох.

XXXI

Будто что-то случилось с жизнью моей!
Ударившись о лесную ограду,
солнце тяжело восходит
из-за редких дубов.

XXXII

А леса начало
в инее таком небывалом:
страшусь и подумать,
как же я в это войду.

XXXIII

Мерцая, приближается Праздник Саней
и среди нас опускается,
скоро растаять ему
вместе со снегом последним.

XXXIV

Вяжу тебе так давно рукавицы,
что лопнули мозоли на пальцах,
и глаза испортились, всматриваясь вдаль
в ожиданье тебя.

XXXV

Долог, как горе, мой путь,
и снега почерневшие
давно уж съедают лодыжки
коня моего.

XXXVI

И облако плывет, круглясь,
будто шапка на моей голове,
и век мой проходит, как в сновидении,
без сна увиденном.

**двадцать восемь вариаций
на темы чувашских и удмуртских
народных песен
1999–2000**

*И, заколдованный песней,
я видел теперь то,
что скрыто от смертных.*
Н. Гарин-Михайловский

I

Давайте встанем в ряд,
подобно ладной ограде,
приосанимся, подобно луне
в пору полнолуния.

II

Скоро удаляться нам в поле,
скоро и оттуда исчезнуть! —
Соседи и родные, шумя и покачиваясь,
поют, как Елабужский лес.

III

Увидел огонек — подошел я к окну,
позвал, но ты голову не подняла,
только шелковая пряжа рассыпалась
будто шепотом грустным.

IV

Прямо в сиянье мороза
пою я — как другу в лицо,
и от голоса уже индевеет
шубы моей воротник.

V

И сквозь звезду
виднеется дорога,
по которой уйдем,
чтоб не вернуться.

VI

Когда со двора выходила,
с отцом разлучаясь,
лучше бы шелковой ниткой я стала,
чтоб, зацепившись, остаться.

VII

А сквозь луну
видится поле,
на котором мы
останемся, павшие.

VIII

Брат мой, из детства моего,
ушел, как из сказки грустной,
мне снится его старая мельница:
шесть крыльев — как шесть огней.

IX

И, наконец, опустилась
я на колени средь поля,
не оттого, что устала,
а потому, что горела душа.

X

В доме от пения то светло, то темно,
будто, от дыхания нашего,
держатся над нами
поляны тепла.

XI

А конь вороной ушел,
потому что забыли закрыть ворота,
а с поля, внезапно притихшего,
во двор как будто вошла беда.

XII

И вдруг просыпаюсь,
словно — услышав тебя!
Солнце восходит,
вкруг яблони светом вьась.

XIII

Братья уже входят в село
с Песнею в честь Возвращения,
и ветер шумит в горах,
заставляя шалить оленят.

XIV

Коснулись ли руки чужие? — трону слегка:
змеей изогнется (значит — притрагивались),
защебечет, как ласточка
(значит — не тронули).

XV

Конь мой понесся быстрее,
ждет, очевидно, меня мой сват,
заранее отворяя ворота, —
деревянный свой семафор.

XVI

Грустно, — и погода дождит,
истрепывая старую одежду мою,
и горюющее сердце изношено
плачущею постоянно душой.

XVII

Вы настолько покинули
нашу память о вас,
что не возвращаетесь
даже и в наши сны.

XVIII

Пою я, и будто сквозь слезы
что-то мелькает в горенье заката, —
это по давнему полю идем
мы с конем вдвоем.

XIX

А за туманом
у дуба зелено́го
нет и посильнее ветки,
чтоб пошуметь.

XX

Неживыми на чужбине останутся
эти руки и эта голова, —
дым паровоза бьет нам в лицо,
чтобы памяти лишить напоследок.

XXI

И внезапно — покой, как будто
я, для этого, в мире один,
и вьюга во дворе, вьюга в огороде,
вьюга в полях.

XXII

И день притих, будто умерло
что-то важное в нем,
и спит лиса у подножья горы,
укрывшись красным хвостом.

XXIII

Меж Казанской землей и Чувашской
видели вы столб межевой?
Это не столб, это я там стою, — от несчастья
одеревенелая.

XXIV

И очень ярко,
как в русской песне,
ветками перебирает
береза по имени Александр.

XXV

Смотрю на воду — она спокойна,
и думаю тихую мысль:
можно пережить еще что-то хорошее,
ведь может быть доброй и смерть.

XXVI

Вдруг все вернулись, все вместе,
но пугающими становятся крики и шум,
и с усилием останавливаю сон,
как в степи останавливают обоз.

XXVII

И не падают ли пояса с наших талий,
не прошла ли жизнь? —
Спрашиваю так, как кукушка кукует,
как бьют часы.

XXVIII

Снова — страда, и певцы и птицы
задумываются и умолкают,
кто-то — на время,
кто-то — быть может — уже навсегда.

содержание

тетрадь вероники

от автора	II
к англоязычному читателю	12
посвящение	17
вместо предисловия	18
два эпиграфа	20
пролог: пение-патерия	21
в день первой встречи	22
первая неделя дочери	23
небо-проигрыватель	24
или — кто же мне любит	25
появление в улыбке	26
в дни болезни	27
начало “периода сходств”	28
и: не прикасаясь	29
продолжение “периода сходств”	30
спокойствие гласного	31

теперь	32
снова — улыбка	33
тишина	34
укладывают спать	35
уришуля и шиповник	36
затерянная страница (или: снег в саду)	37
в месяце четвертом: пробы — напева	38
песенка времен твоих прадедов (вариация на тему чувашской народной песни)	39
и: в пять месяцев	41
маленькая татарская песня	42
чайная роза одна на округу	43
запись — после укачивания	44
сказка о шлагбауме и о сторожевой будке	45
чище слезы	47
розы трехлетней этери	48
узнавание имени	49
сказка о постаревшем арлекине	50
улыбка (выражая “любимый”)	52
нет мыши	53
снова: укачивание тебя	54
вершины берез — с детства и до сих пор	55
снова — что-то от “периода сходств”	56
и: спящая (в колыске) у моря	57
песня звуков	58
в дни болезни — образ во сне	59
чувашская песенка для твоей сверстницы	60

вспоминая все тот же храм	61
долгая прогулка	62
и: где-то спит — мальчик	63
виденье: девочка-подросток	64
флоксы в городе	65
колыбельная? эта — твоя	66
экслибрис — тебе — в стихах	67
немного — еще об одном мальчике (надпись к фотографии)	68
твое первое море со мной	69
снова — ловя выражения	70
песенка для тебя — об отце	71
записанное сидя с тобой на балконе	73
пауза в “тетради”	74
часто подходит к нам пятилетняя ася	76
сон в поле	77
продолжение	78
играя “в пальчики”	79
и: цветет овес — за лугом	80
пение и тишина	81
снова: третий кузнечик (теперь — тебе)	82
другу — вместо письма	83
первые слова	84
вновь — соседство роз	85
виденье: юная девушка	86
снова — спящая	87
об этом	88

драгоценность	89
и: первое полугодие	90
дитя-и-роза	91
эпизод: колыбельная-сувалкия	92
и: прощание с “тетрадью”	93
еще от автора	94
примечания автора	95
от составителей.	96
листопад и молчание	97
прогулка с дочерью: город	99
снег в полдень	100
осенняя прогулка дочери	101
дар — роща берез	103

ПОКЛОН — ПЕНИЮ (1988–2000)

тридцать шесть вариаций на темы чувашских и татарских народных песен	109
тридцать шесть вариаций на темы чувашских и марийских народных песен	123
двадцать восемь вариаций на темы чувашских и удмуртских народных песен	137

геннадий айги
собрание сочинений
в семи томах
том четвертый
тетрадь вероники



Составление Галины Айги
и Александра Макарова-Кроткова

Набор и вёрстка Сергея Введенского
Редактор Александр Макаров-Кротков
Корректор Елена Салтыкова

Книгоиздательство
и магазин "Гилея"
Москва, Нахимовский просп., 51/21
(в помещении ИНИОН РАН)
тел. 8-499-7246167
<http://gileia.org>
e-mail: info@gileia.org

Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46
Заказ № 565
Тираж 750 экз.

